

МИЦКЕВИЧ, БОРАТЫНСКИЙ, ГРИБОЕДОВ В ПЕРЕПИСКЕ М. МАЛИНОВСКОГО И И. ЛЕЛЕВЕЛЯ

*Вступительная заметка, подготовка текста,
публикация и примечания А. И. Федуты*

В поле зрения историков русской литературы уже попадали дневники и письма участников тайных студенческих обществ Виленского университета: высланные с бывших земель Речи Посполитой в метрополию, они стали свидетелями ярких событий литературной и общественной жизни России в первой трети XIX в. В числе таких свидетелей оказался известный польский археограф Миколай Малиновский (Mikołaj Malinowski, 1799—1865). Он попал под следствие, будучи членом студенческого общества филаретов, которое действовало в Виленском университете с 1819 по 1823 г. (оно явилось легальным «наследником» созданного в 1817 г. тайного общества филоматов). В ноябре 1823 г. молодого ученого подвергли аресту и освободили из-под стражи в апреле 1824 г.

Малиновский был одним из наиболее успешных учеников польского историка Иоахима Лелевеля (Joachim Lelewel, 1786—1861). В 1815—1824 гг. он преподавал в Виленском университете, откуда был уволен по настоянию сенатора Н. Н. Новосильцова, возглавлявшего следственную комиссию по делу о тайных студенческих обществах. На протяжении многих лет Малиновский поддерживал тесные отношения со своим наставником. В главной библиотеке Ягеллонского университета в Кракове есть более сорока писем Малиновского, адресованных Лелевелю (копии этих писем, снятые еще в XIX в., находятся в отделе рукописей Научной библиотеки Вильнюсского университета, в фонде И. Лелевеля; ранее они хранились в Главном архиве древних актов в Варшаве). Письма становились предметом исследования и фрагментарно печатались уже в позапрошлом столетии¹. Но публикаторов в первую очередь интересовала личность Адама Мицкевича, который был одной из центральных фигур и в письмах, и в дневнике, и в воспоминаниях Малиновского, — к деятелям русской культуры, упомянутым на страницах переписки Малиновского с Лелевелем, польские исследователи проявляли намного меньший интерес.

Общий контекст публикуемого ниже письма таков. В 1827 г. Малиновский переехал в Петербург. Именно здесь и в Москве тогда жили и работали многие бывшие члены запрещенных студенческих кружков. Прежде всего надо назвать Франтишека Малевского — это сын Шимона Малевского, в прошлом ректора Виленского университета. С Малевским-младшим Малиновский дружил еще в университете, и скорее всего именно Малевский познакомил его с Фаддеем Булгаринным, который тоже был литвин по происхождению, так же как Малевский и Малиновский. Впрочем, не исключено, что у последнего было рекомендательное письмо к Булгарину от Лелевеля: будучи издателем исторического журнала «Северный Архив», Булгарин, чрезвычайно ценивший Лелевеля как профессионального историка, не только заказал ему обширную рецензию на карамзинскую «Ис-

торию Государства Российского», но и лично перевел ее на русский язык. (Наличие рекомендации от Лелевеля тем более вероятно, что Малиновский пытался выступить посредником между ним и Булгариным, чтобы помочь историку вернуть себе рукопись своей рецензии.) Во всяком случае, около двух лет, в 1827—1828 гг., Малиновский жил у Булгарина и был свидетелем многих событий, происходивших в доме редактора «Северной Пчелы» и «Северного Архива».

Публикуемое письмо Малиновского к Лелевелю (1828) ценно прежде всего тем, что оно сообщает не известные ранее факты из жизни Е. А. Боратынского, А. С. Грибоедова и О. И. Сенковского. Эти факты не нашли отражения в летописях жизни и творчества двух крупнейших классиков русской поэзии². Письмо Малиновского дополняет их биографии несколькими в высшей степени живописными деталями.

А. И. Федута

Письмо М. Малиновского к И. Лелевелю от 25 апреля 1828 г.³

25. kwietnia 1828. r. S. Petersburg.

Zacny łaskawy mój; Panie — krótko piszę dzisiaj — Oddawca listu tego P. Chaborski jedzie do Warszawy dla wstąpienia do służby w banku narodowym — Jestto zacny młodzieniec mój spółziomek którego śmiało mogę polecić protekcyi Pańskiej — Rozumiem że pismo moje <=> przez P. Kaczanowskiego dojdzie do Pańskich.

Teraz donoszę że Adam Mickiewicz dnia 23. t. m. przyjechał do Petersburga. Wyjeżdżającemu z Moskwy tamtejsi literaci świetną wyprawili ucztę — Ofiarowali mu puhar srebrny na którym wyryte są imiona uczestników bankietu a wielbicieli talentu Adama. Deklamowano wiersze napisane z tej okoliczności — Śpiewano piosnki — Poeta ze łzami był żegnany. Odpowiadał im improwizacją która taki entuzjazm obudziła że Boratyński poeta padłszy na kolana zawołał: Ah! mon dieu pourquoi n'est-il pas Ruffe! &<c>.

Najjaśn. Pan dziś o godzinie 1. wyjechał ze stolicy. Wczoraj minister Szyszkoff otrzymał dymiffi<ę>. Gruchnęła wieść że P. Nowosilcoff ma< > być jego następcą! Kajsaroff zaś zajęć plac Kommissarza Cesarskiego w Warszawie — Bydź <=> może że Chodźko wyjedzie z P. Grybojedowem mianowanym posłem nadzwyczajnym do Persyi — Rodofinikin dyrektor departamentu azjatyckiego sprzeciwia się temu, ponieważ chciałby jakiegoś greka na to miejsce forytować, ale Grybojedow tient ferme jak sam mi dzisiaj jeźdźce mówił —

Adam powiadał że dziełem Pańskim o Indijach przewrócił wszystkie wyobrażenia o tym półwyspie uczonych moskiewskich<.> Jestto zagadka do której później powrócę — Teraz piszę nieporządnie i ułamkowo, bo dorywcz.

Zmiłuj się Pan<,> trzewiki i gazetę przyśyłaaj, bo cierpię jak potępieniec. Baby pokoju mi niedają — Gdybym miał 100 r. do dyspozycyi, okupiłbym się z tego kłopotu — Wyzwol <sic!> mię pan z piekielnej męczarni. Przyjaźni i pamięci Pańskiej m<ię> polecam.

MM

Anekdota. W przeszłą sôbotę <sic!> przy obiedzie toczyła się rzecz o zacnoŃci szlachty polskiej. SękowŃki rzekł że zaŃczyt szlachcica polskiego za tak krzywdzący uważa że nazwiŃsko fwoje z herbarza wykre<ś>lił — i spojrział z uŃmiechem na Grybojedowa fnać <= snadź> pochwały oczekując — ale ten odpowiedział<:> WPan widzę maŃz przyjemność obrażać wfzelkiego rodzaju miłość własną, ale gdybym był przeŃwiadczony że to mówisz fzczerze, niechciałbym odtąd Ńłowa jednego z< >WPanem mówić. SękowŃki tą nieŃpodziewaną odpowiedzią tak był zmiefzany że <= przez> kwadrans prawie Ńłowa przemówić nieŃmiał. — Grybojedoff jest jeden z najzacniejŃzych ludzi jak dotąd — Ale zdaje się że i na dal takim będzie.

Перевод:

25 апреля 1828 г., С.-Петербург.

Высокородный, милостивый государь мой! Сегодня пишу кратко. Податель сего письма, г-н Хаборский⁴, едет в Варшаву для поступления на службу в национальный банк⁵. Это достойный юноша, мой земляк, которого смело могу вверить Вашему покровительству. Полагаю, что послание мое через г-на Качановского⁶ попало в Ваши руки.

Теперь сообщаю, что Адам Мицкевич 23 дня <того> м<есяца> приехал в Петербург. При отъезде его из Москвы⁷ тамошние литераторы устроили великолепный пир⁸. Преподнесли ему серебряный кубок, на котором выгравированы имена участников банкета и поклонников таланта Адама⁹. Декламировались стихи, написанные по этому поводу¹⁰. Пелись песни. Поэта провожали со слезами. Он отвечал им импровизацией, которая вызвала такое воодушевление, что поэт Боратынский¹¹, преклонив колена, воскликнул: Ah! mon dieu, pourquoi n'est-il < pas Russe! &c.¹²

Его Велич<ество> сегодня в первом часу покинул столицу. Вчера министр Шишков получил отставку¹³. Разнесся слух, что г-н Новосильцов должен стать его преемником!¹⁴ <А> Кайсаров¹⁵ — занять место императорского комиссара в Варшаве. Может быть, Ходзько¹⁶ поедет с г-ном Грибоедовым, назначенным чрезвычайным послом в Персию. Родофиникин, директор азиатского департамента¹⁷, противится этому, поскольку хотел бы пристроить на это место какого-нибудь грека¹⁸, но Грибоедов — *tient ferme*¹⁹, как сам мне еще сегодня говорил.

Адам сказал, что Вашим трудом об Индии²⁰ <он> перевернул все представления московских ученых об этом полуострове. Это загадка, к которой позже вернусь. Сейчас пишу беспорядочно и неаккуратно, потому что <приходится писать> урывками.

Смилуйтесь, голубчик, пришлите мне башмаки и газету, потому что страдаю, как осужденный на вечные муки; бабы покоя мне не дают²¹. Будь у меня в распоряжении 100 р<ублей>, избавился бы от этой заботы. Спасите меня от адских мучений. Дружбе и памяти Вашей себя вверяю²².

ММ

Анекдот. В прошлую субботу²³ за обедом шел разговор о достоинстве польской шляхты. Сенковский²⁴ сказал, что звание польского шляхтича считает таким оскорбительным, что имя свое вычеркнул из гербовника²⁵. И взглянул с усмешкой на Грибоедова, видимо, ожидая похвалы, но тот ответил: «М<илоственный> государь, вижу, Вам доставляет удовольствие унижать самолюбие всех <окружающих>, но если бы я был уверен, что Вы говорите искренне, то не желал бы с этих пор с Вами разговаривать». Сенковский был так смущен этой неожиданной отповедью, что четверть часа почти слова сказать не смел. Грибоедов дотоле один из достойнейших людей. И, как представляется, таковым останется впредь.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См., например: 'Improwizacye Adama Mickiewicza', *Biblioteka Warszawska*, 1876, t. 1, 411—417; A. Mickiewicz, *Korespondencya*, Paryż 1876, t. III, 38—40; 'Listy o Adamie Mickiewiczu i jego towarzyszach pisane do Joachima Lelewela w latach 1819—1829', Z rękopisu Biblioteki Jagiellońskiej zebrane przez M. Stankiewicza, *Pamiętnik Towarzystwa literackiego imienia Adama Mickiewicza*, Lwów 1887, rozsz. I, 145—171 (148—150, 155—159, 161—165).

² См.: Н. К. Пиксанов, *Летопись жизни и творчества А. С. Грибоедова. 1791—1829*, Москва 2000; *Летопись жизни и творчества Е. А. Боратынского*, Составитель А. М. Песков, Москва 1998.

³ Полностью печатается впервые по автографу: Biblioteka Jagiellońska. Oddział rękopisów, № 4435, t. III, k. 588—589. Копию см.: Vilniaus universiteto biblioteka, Rankraščių skyrius, F 12 (I. Lelewel), № 244, fol. 60—60^v. Ранее были опубликованы фрагменты из этого письма (2-й и 4-й абзацы): 'Listy o Adamie Mickiewiczu i jego towarzyszach pisane do Joachima Lelewela w latach 1819—1829', 159. Пользуясь случаем, выражаем признательность д-ру П. М. Лавринцу и проф. Л. Суханеку за помощь в архивных разысканиях.

⁴ Неустановленное лицо.

⁵ Вероятно, Малиновский имеет в виду Польский Банк (Bank Polski) — правительственный банк Царства Польского, образованный указом от 29 января 1828 г. (незадолго до этого письма) и просуществовавший до 1886 г. Не удивительно, что Малиновский неточно помнит название только что созданного учреждения.

⁶ По всей видимости, речь идет о Юзефе Качановском, втором секретаре Государственного секретариата Царства Польского. Качановский бывал в доме Булагиных, что зафиксировано в «Дневнике» М. Малиновского, и в частности, присутствовал на обеде 7 декабря 1827 г., когда Мицкевич публично читал отрывки из поэмы «Конрад Валленрод» (см.: M. Malinowski, *Dziennik, Z rękopisu Biblioteki Ordynacji Krasieńskich* wydał, z oryginału łacińskiego przełożył, wstępem i objaśnieniami opatrzył dr M. Kridl, Wilno 1914, 31). Что именно Малиновский передавал Лелевелю через Качановского, неизвестно.

⁷ Мицкевич покинул Москву 19 апреля 1828 г. (см.: Z. Sudolski, *Mickiewicz: Opowieść biograficzna*, Warszawa 1995, 217).

⁸ Прием в честь Мицкевича состоялся между 15 и 19 апреля 1828 г. (см.: Ibid., 217).

⁹ Как указывает Эбигнев Судольский, на кубке были выгравированы имена Е. А. Боратынского, И. В. и П. В. Киреевских, В. А. Елагина, Н. М. Рожалина, С. П. Шевырева, Н. А. Полевого и С. А. Соболевского (см.: Ibid., 217).

¹⁰ Стихи в честь Мицкевича декламировали Боратынский и И. Киреевский (см.: Ibid., 217).

¹¹ Уточнение, необходимое для Лелевеля, не погруженного в литературную жизнь российских столиц, было тем более уместно, что Малиновский тогда готовил к публикации документы, связанные с родом князей Баратынских, известных в Великом княжестве Литовском (см.: K. Niesiecki, *Herbarz Polski*, Lipsk 1839, t. II, 235—238), и постоянно консультировался на эту тему с Лелевелем.

¹² Перевод: *Ах! боже мой, почему он не Русский! и т. д.* (фр.).

¹³ Александр Семенович Шишков (1754—1841) — адмирал, министр народного просвещения и глава цензурного ведомства в 1824—1828 гг. Отставка Шишкова могла встревожить выходцев из Речи Посполитой, поскольку Шишков был женат на Ю. О. Лобаржевской, представительнице знатного литвинского рода Нарбутов, о которой говорили, что она особо покровительствует землякам (см. об этом: *Видок Фиглярин: Письма и агентурные записки Ф. В. Булгарина в III Отделение*, Издание подготовил А. И. Рейтблат, Москва 1998, 148—149). Лобар-

жевская считалась дальней родственницей Булгарина (см.: Н. И. Греч, *Записки о моей жизни*, Текст по рукописи под редакцией и с комментариями Иванова-Разумника и Д. М. Пинеса, Москва — Ленинград 1930, 694).

¹⁴ Николай Николаевич Новосильцов (1762—1838) — с ноября 1821 г. председатель Комитета для образования учебной части в Царстве Польском; с июня 1822 г. состоял для особых поручений при великом князе Константине Павловиче; с февраля 1824 г. — член Комитета по делу о беспорядках в Виленском университете; с сентября 1824-го по май 1832 г. — попечитель Виленского учебного округа; с января 1826 г. — одновременно главный делегат при Правительственном Совете Царства Польского. Назначение Новосильцова на пост министра народного просвещения фактически означало бы возведение полонофобства в ранг государственной политики [см.: С. Бархатцев, 'Из истории Виленского учебного округа', *Русский Архив*, 1874, № 5, стб. 1149—1262 (1215—1241 и др.); а также: [I. Lelewel], *Nowosilców w Wilnie w roku szkolnym 1823—1824*, Warszawa 1831]. Булгарин неоднократно писал в III Отделение о роли, которую сыграли Новосильцов и его ближайшее окружение в росте национальной напряженности на бывших землях Речи Посполитой (см.: *Видок Фиглярин...*, 207—208, 216—217, 235, 240—243, 245—248, 338—340 и особенно 348—356). Сатирический портрет сенатора-полонофоба нарисовал Мицкевич в драматической поэме «*Dziady*» (ч. III, сцена VIII).

¹⁵ Могли ходить слухи о назначении в Варшаву одного из двух Кайсаровых — Василия Сергеевича Кайсарова (1783—1844), который в 1826—1829 гг. был сенатором, либо Петра Сергеевича Кайсарова (1777—1854), в 1811—1828 гг. исполнявшего должность обер-прокурора в Сенате. По всей вероятности, обсуждалась вторая кандидатура: в 1828 г. П. С. Кайсаров действительно получил новое назначение — возглавил департамент разных податей и сборов.

¹⁶ Александр Ходзько (1804—1891) — выпускник Виленского университета, товарищ Малиновского по обществу филаретов; поэт и переводчик, известный ориенталист, русский дипломат. Пост российского консула в Тегеране он занял уже после гибели Грибоедова (в 1830 г.). Ходзько публиковался в «Литературной Газете» и в «*Tygodniku Petersburskim*». С 1842 г. — профессор славянских литератур в парижском Коллеж де Франс [см. о нем: *Szkice z dziejów polskiej orientalistyki*, Warszawa 1957, [t. 1] (по указателю); В. П. Грыцкевич, 'Александр Ходзько (1804—1891)', *Славутыя імёны Бацькаўшчыны*, Мінск 2000, вып. 1, 207—219; ср. также: С. В. Свердлина, 'Грибоедов и ссыльные поляки', *А. С. Грибоедов: Творчество. Биография. Традиции*, Ленинград 1977, 212—234 (224—225)].

¹⁷ Константин Константинович Родофиникин (1760—1838) управлял Азиатским департаментом Министерства иностранных дел в 1819—1837 гг. Об отношениях Грибоедова и Родофиникина см.: С. В. Шостакович, *Дипломатическая деятельность А. С. Грибоедова*, Москва 1960, 192—193; О. И. Попова, *Грибоедов-дипломат*, Москва 1964, 20.

¹⁸ Намек на этническое происхождение Родофиникина.

¹⁹ *Tient ferme* 'держится крепко' (фр.).

²⁰ Надо полагать, имеется в виду книга: J. Lelewel, *Dzieje starożytne Indii ze szczególnym zastanowieniem się nad wpływem, jaki mieć mogła na strony zachodnie*, Warszawa 1820.

²¹ В письме от 7 марта 1828 г. Малиновский пишет: «Bułharyn, który ma córkę i żonę, włożył na mnie usługę sprowadzenia dla nich trzewików. Prawdziwie wstydzę się udawać się do pana z taką z prośbą, ale nie odmawiaj pan tego podług przyłączonych tu miar i żądań tych dam <...> Damy nasze chciały wystąpić w trzewikach warszawskich na Wielkanoc, rozumiem, że właśnie w czas otrzymać je będą mogły» = «Булгарин, который имеет дочь и жену, возложил на меня поручение доставить им башмачки. Воистину стыжусь обращаться к Вам с такой просьбой, но не откажите мне в этом и примите во внимание приложенные тут мерки и желания этих дам <...> Дамы наши хотели появиться в варшавских башмачках на Пасху, полагаю, что как раз в срок смогут их получить» ('Improwizacye Adama Mickiewicza', 416).

²² Это предложение представляет собой польскую эпистолярную формулу.

²³ 21 апреля 1828 г.

²⁴ Юзеф-Юлиан (Осип Иванович) Сенковский (1800—1858) — выпускник Виленского университета, ученый-востоковед, профессор Петербургского университета (1822—1847), писатель и журналист. Когда Сенковский окончил университет, был объявлен сбор пожертвований, чтобы командировать его на восток — собирать экспонаты для университетской коллекции и библиотеки. Однако Сенковский не оправдал возлагавшихся на него надежд — среди выходцев из Польши он считался ренегатом (употребляем этот термин вслед за Станиславом Пигонем, признанным специалистом по Мицкевичу и его кругу; см.: S. Pigoń, *Z dawnego Wilna: Szkice obyczajowe i literackie*, Wilno 1929, 133). Именно поэтому Малиновский пишет Лелевелю о его унижении с нескрываемым удовольствием. Оба корреспондента имели основания злорадствовать и презирать своего соотечественника: по докладу Сенковского, который выступил как «визитатор» Министерства народного просвещения, на территории Виленского округа были закрыты иезуитские учебные заведения, игравшие важную роль в распространении польского языка и культуры (см.: В. А. Каверин, *Барон Брамбеус*, Москва 1966, 26—33; а также: С. Бархатцев, Указ. соч., стб. 1241).

²⁵ Судя по всему, Сенковский всё-таки сказал неправду. В авторитетнейшем польском гербовнике есть описание герба его рода (см.: K. Niesiecki, *Op. cit.*, Lipsk 1841, t. VIII, 324). Кроме того, весьма сомнительно, чтобы составители гербовников в своей деятельности руководствовались мнением одного, пусть даже столь известного представителя шляхетского рода. Скорее всего, мы имеем дело с очередной шутовской выходкой Сенковского.